

УДК 81'33
ББК 81.0

Э.Э. Саркисов

**МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
В ПАРАДИГМЕ ТЕОРИИ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ:
КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Процессы глобализации и интенсификации языковых контактов ведут к межъязыковой интерференции не только на структурном, но и на концептуальном уровне, следовательно, к наложению картин мира различных лингвокультурных сообществ. Важная роль в подобном слиянии концептуальных моделей отводится переводчику.

Ключевые слова: *глобализация, двуязычие, интерференционная картина, картина мира, концептуальная интерференция, межъязыковая интерференция, языковые контакты.*
DOI 10.18522/1995-0640-2020-3-58-66

Саркисов Эмиль Эдуардович – преподаватель кафедры лингвистики и иностранных языков социально-гуманитарного факультета Донского государственного технического университета
Тел.: +7-919-884-45-62
E-mail: emil_sarkisov@mail.ru

© Саркисов Э.Э., 2020.

Среди важнейших отличительных признаков современного мира чаще всего называют процесс всеобщей глобализации, обуславливающий и диктующий характер общественных отношений и способ обмена результатами деятельности человека – такими, например, как культура и информация. Язык в данном процессе выступает в роли посредника, поскольку является важнейшим средством эффективного накопления и передачи практического опыта и теоретических знаний, тем самым способствуя процессу глобализации, формируя и модифицируя этот процесс [Николаев, 2019, с. 72].

Интерес к теории языковых контактов как предмету лингвистических исследований отчетливо проявился еще в трудах отечественных ученых Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы, чья роль в ее становлении неоспорима и по сей день. Усилия в данном направлении были продолжены во второй половине XX в. зарубежными авторами, среди которых выделяются имена Уриеля Вайнрайха и Андре Мартине, см., например, [Weinreich, 1968, Martinet, 1980]. В той или иной степени названные исследователи, рассматривая ситуации контактирования различных языков, обращают внимание не только на знак как таковой, но и на то, что им обозначается, т.е. на его означаемое. С исторической точки зрения, основой для такого подхода, несомненно, служит направление немецкой лингвистики конца XIX – начала XX вв., главным представителем которой можно считать Г. Шухардта. Подобный ход развития теории языковых

контактов закономерен, поскольку лингвисты прежних эпох сталкиваются с определенным кризисом вследствие бесконечных сравнительно-сопоставительных штудий, отстраненных от языка как материала для построения целостной (цельной) картины мира. И хотя, с появлением и развитием когнитивной лингвистики и когнитивистики в целом, относительно недавно интерес к языковым контактам в данном контексте вновь оживляется, научных сведений для адекватного понимания всей полноты и сути процессов глобализации в данной области пока явно недостаточно.

В основе показанного семиотического подхода лежит прагматическая сила знака. Общеизвестным фактом является способность языка как системы оказывать влияние на сознание и поведение человека. А.Н. Леонтьев пишет: «Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [Леонтьев, 1975, с. 167]. Картина мира формируется, в частности, посредством языка в виде концептов – ментальных образований, имеющих прямое отношение к культурно-исторической модели и содержащей в себе, помимо объективных признаков, оценочные, выражающие отношение к действительности, исторические и социокультурные аспекты отражаемого объекта или явления окружающего мира.

Исследования в данном направлении приобретают особую актуальность в связи с явлением, связанным и обусловленным стремительными глобализационными процессами, – интенсификацией языковых контактов. Л.В. Щерба считает, что языковой контакт – это феномен, характеризуемый появлением в сознании индивида единой системы ассоциаций и сближением понятий; при этом различия между знаками сохраняются [Щерба, 1958, с. 40-53].

Среди важнейших процессов глобализации, способствующих интенсификации языковых контактов, можно назвать технический прогресс, позволяющий людям быстро и, в целом, беспрепятственно перемещаться из одной точки планеты в другую, экономическую интеграцию (сближение рынков труда, экспансия бизнеса), кооперацию в научной сфере, развитие СМИ и интернет-коммуникации и т.п.

Не осталась в стороне и популярная культура, в которой смешение языков давно уже стало нормой. При этом если раньше такая межъязыковая интеграция происходила в реальной коммуникации, а концептуальная отражалась в популярной культуре, то сейчас все чаще можно встретить непосредственное и, что особенно важно, беспереводное смешение языков в кино, музыке, литературе и т.д. Двухязычие в произведениях искусства становится с каждым днем более популярным (модным) средством привлечения внимания потребителя, который зачастую и сам является полноценной двухязычной личностью.

И если справедливо то, что межъязыковая интерференция выступает прямым следствием регулярных и тесных языковых контактов, то регулярное смешение языков в свою очередь может быть сочтено следстви-

ем не только запроса общества и маркетинговых уловок, но и межъязыковой интерференции, суть которой заключается в наслаивании норм одной языковой системы на другую на речевом уровне. При этом если отклонения от устоявшейся языковой нормы прослеживаются всегда, то их динамика варьируется в зависимости от степени интенсивности и условий протекания языковых контактов, см. об этом [Саркисов, 2019а, с. 74]. Стабильная интерференциальная динамика, которая выражается в регулярном (преобладают максимумы) отклонении от нормы, ведет к установлению устойчивой интерференционной картины. Подобную динамику сегодня можно обнаружить в «классическом» лингва франка – «всемирном английском, ставшим инструментом межнационального и межкультурного общения. Таким образом, межъязыковая интерференция на речевом уровне, способствуя развитию интерференции в языке, лишь способствует собственному усилению.

Здесь необходимо пояснить связь между интерференцией на уровнях системы языка (в особенности на лексическом уровне) и способом концептуализации действительности, ведь языковая картина мира получает в каждом языке характерную форму выражения на всех уровнях: графо-фонологическом, лексико-семантическом и грамматическом. Дело в том, что носители данного языка специфически структурируют действительность. Одним из первых описал данный процесс Л. Вайсгербер, который заявляет: «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» (цит. по: [Радченко, 2005, с. 235]). К этому можно добавить, что речь в действительности идет не только о носителе, но и о любом владеющем данным языком индивиде, поскольку межъязыковая интерференция – явление двустороннее.

Как Л.В. Щерба, так и Л. Вайсгербер говорят о «понятиях», однако здесь следует четко дифференцировать «понятие» и «концепт», поскольку понятие существует само по себе, отдельно от языка и мышления, а концепт в данном контексте будет рассматриваться, как уже было отмечено, в качестве ментального образования *a priori*.

Рассуждая далее о концептуализации, следует добавить, что любая картина мира обслуживается посредством языковой картины мира, а потому языковая картина мира является не разновидностью картины мира, а обслуживающим инструментом, поскольку индивид отражает в сознании окружающую объективную реальность, анализирует свои переживания и размышляет о своих чувствах через язык, в котором фиксируется как общечеловеческий опыт, так и опыт данного лингвокультурного сообщества. Другими словами, уже существующий общече-

ловеческий опыт «оседает» в языке в том числе и благодаря межъязыковой интерференции, и в историческом контексте это манифестируется различными исходами массового двуязычия – наличием языков-суперстратов, языков-адстратов и языков-субстратов. Все названное в свою очередь есть результат уже упомянутых разновидностей межъязыковой интерференции.

Отражаемые в языке концепты аккумулируются и создают некую систему представлений, которая (зачастую неосознанно) навязывается в качестве обязательной или единственно верной всем пользователям данного языка. Однако это происходит за неимением альтернативы, иными словами – в случае отсутствия концептуальной интерференции, возникающей на основе интерференции межъязыковой.

Следуя модели механизма межъязыковой интерференции У. Вайнрайха [Вайнрайх, 1972, с. 30], можно допустить, что при наличии концептуальной интерференции также можно говорить о языке-источнике и языке-объекте интерференции, при этом вместо элементов системы выражения одного из языков (в ходе коммуникации они могут меняться местами (см. об этом подробнее [Саркисов 2019б, с. 84]) – благодаря субстанциональному сходству – признаки одного концепта отождествляются с признаками другого.

Под субстанциональными признаками понимается та часть содержания концепта, которая способствует взаимопониманию и взаимопроникновению ценностных систем различных лингвокультурных сообществ. «Пересечение» духовных миров людей и народов, собственно, и происходит за счет того, что существует общая для них система миропредставлений. Как и язык под воздействием межъязыковой интерференции, языковая картина мира способна меняться на всех этапах развития языкового коллектива вследствие трансформации ценностной системы его представителей.

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что суть концепта – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27], рассматривая в качестве видов сами концепты. Так, в одной культуре спор может быть войной, а в другой – танцем. К этому можно добавить, что в арабской культуре, например, спор не может быть танцем, так как арабские танцы, как правило, не предполагают участия мужчины, а поскольку женщина в арабской культуре по традиции не имеет права спорить с мужчиной, спор не может рассматриваться как танец.

Концептуализация действительности посредством суждения *time is money* / «время – (это) деньги» (сентенция, обычно приписываемая Бенджамину Франклину и фигурирующая в его сочинении *Advice to a Young Tradesman*, 1748) является устойчивой нормой для большинства народов западноевропейской культуры как в формальном, так и в системном отношении. Иными словами, это выражение распространено в большинстве современных индоевропейских языков и является основой для построения части картины мира западноевропейского обще-

ства. Чтобы убедиться в этом, приведем в табличном виде ряд соответствующих примеров-параллелей, указывающих на концептуализацию действительности на основе суждения «время – деньги» (таблица).

АНГЛИЙСКИЙ	РУССКИЙ	ИСПАНСКИЙ
<i>You're wasting my time</i>	<i>Ты попусту тратишь мое время</i>	<i>Me estás haciendo perder el tiempo</i>
<i>This gadget will save you hours</i>	<i>Это устройство сэкономит тебе массу времени</i>	<i>Este artilugio te ahorrará horas</i>
<i>That flat tire cost me an hour</i>	<i>Эта спустившаяся шина стоила мне часа</i>	<i>Esa rueda deshinchada me ha costado una hora</i>
<i>I've invested a lot of time in her</i>	<i>Я вложил в нее много времени</i>	<i>He invertido mucho tiempo en ella</i>
<i>You need to budget your time</i>	<i>Тебе следует рассчитывать свое время</i>	<i>Tienes que calcular el tiempo</i>
<i>Is that worth you while?</i>	<i>Стоит ли это вашего времени?</i>	<i>¿Vale la pena gastar ese tiempo?</i>
<i>Do you have much time left?</i>	<i>Много ли времени у тебя осталось?</i>	<i>¿Te sobra mucho tiempo?</i>
<i>Thank you for your time</i>	<i>Спасибо за потраченное время</i>	<i>Gracias por tu tiempo</i>

Подобный взгляд (взгляды) на время и деньги существовал не всегда, а возник с появлением и развитием индустриального общества и продолжает оставаться актуальным и сегодня. Интерференция, распространение и консолидация этой модели в языках данного общества стали результатом языковых контактов. Безусловно, рассматривание времени как ценности не является универсальным в кросс-культурном отношении, однако уже упомянутые процессы глобализации могут сделать существенный вклад в экспансию подобного структурирования действительности.

Но установить достоверный генезис суждения «время – это деньги» и последующей основанной на нем концептуализации действительности не представляется возможным, а потому следует обратиться к более простому и в какой-то степени банальному концепту европейской мифологии песочного человека (англ. *Sandman*). Будучи европейским по происхождению, его появление в письменной форме выражения языка датируется 1771 г., когда в немецком/французском словаре упоминается фразеологизм *der Sandmann kommt*, означающий, что человек скоро заснет [Schmidlin, [http](http://), p. 231]. Однако сам фольклорный персонаж песочного человека можно узнать в Оле Лукойе, созданным Г. Х. Андерсеном (1842). Еще одно лексикографическое упоминание данного фразеологизма фиксируется в грамматическом словаре немецкого языка издания 1798 г., в котором предлагается следующее толкование: шутливое выражение, которое говорят взрослые детям, когда те трут глаза перед сном, предполагающее, что они делают это, потому что песочный человек бросил в них песок [Adelung, 2014, p. 182].

Следует уделить внимание и тому, как персонаж Г.Х. Андерсена стал песочным человеком, несмотря на то что изначально речь идет о существе, которое использовало не песок, а сладкое молоко. В двух других английских переводах 1852 г. «сладкое молоко» изменяют на 'certain powder' в одном и «dust» – в другом. Здесь очевиден предшественник всем известного немецкого *Sandman*, которым стали называть датского Оле Лукойе. Таким образом, роль переводчика в интерференции в речи также следует принимать в расчет.

Затем персонаж с именем *Sandman* находит постоянное место в европейской литературе и употребляется в произведениях таких писателей, как Э. Теодор А. Гофман. С течением времени его начинают использовать в других направлениях культуры, например в американской музыке 50-х и 60-х гг., при этом к признакам концепта прибавляется способность исполнять желания, песок иногда снова возвращается к пыли и др. Каким образом сам знак и его содержание переходят в американский английский, точно сказать не представляется возможным, однако так или иначе языковой контакт присутствует, и неважно, прямой он или же осуществляется посредством перевода.

Сегодня концепт песочного человека в той или иной степени присутствует во многих языках мира, в том числе благодаря популярной культуре и развитию двуязычия. Фактически, начав свое существование в Скандинавии, теперь он является частью метафорической картины мира многих народов. При этом следует отметить, что изначально концепт начинает существовать вне знака, однако его распространение осуществляется посредством уже устоявшейся кодифицированной нормы.

Кодифицированная норма одного языка может, не проникая в норму другого, тем не менее, существовать на концептуальном уровне последнего, однако устойчивость данного концепта в языке – объекте интерференции будет слабая. Так, например, в испанском языке существует неустойчивая лексическая норма данного концепта, выражаемая англицизмом *Sandman* или различными кальками оного: *arenero*, *hombre de la arena*, *hombre de arena* и т.п. Кроме того, устойчивость нормы зависит не только от того, как часто она употребляется, но и популярностью произведений культуры, посредством которых она передается из поколения в поколение. Здесь можно обратиться к образу Хуана Пестаньяса (*Juan Pestañas*), созданному мексиканским автором детских песен и ставшему в свое время популярным в Латинской Америке. Данный персонаж, как и англосаксонский *Sandman*, приходит к детям по ночам, чтобы способствовать их сну, хотя и не использует песок или некую пыль (во многом из-за неблагоприятной для этого коннотации в испанском языке). Учитывая близость английского и испанского языков на американском континенте, допустимо предположить, что прототипом Хуана Пестаньяса стал именно *Sandman*. Однако популярность этой песни заметно упала со времени ее создания, и нынешнее поколение латиноамериканских детей вряд ли знает о ком-то, кто приходит под таким именем перед тем, как они отойдут ко сну.

Сейчас гораздо популярнее реализация знаков *arenero* и *hombre de arena* в контексте киноиндустрии, где ими обозначается концепт существа из песка, имеющего мало общего с прежним концептом песочного человека, и если в английском по причине большого объема литературы и прочих произведений культуры с упоминанием *Sandman* будет еще долго существовать как в своем первоначальном значении, так и в новом, то в культуре испанского мира, видимо, «выживет» только вторая реализация.

Итак, будучи связан с когнитивными процессами и психологией человека в целом, жизнью конкретного индивида и общественным сознанием, историей и обычаями лингвокультурных сообществ, отражая национальную самобытность и культуру народов, являясь инструментом выражения для литературы и фольклора как разновидности искусства, будучи основным путем познания внутреннего мира человека, язык под воздействием межъязыковой интерференции на уровне системы языка ведет к интерференции на концептуальном уровне и, следовательно, изменению картины мира языкового коллектива, поскольку является инструментом ее обслуживающим. Вследствие глобализации, а также сопряженными с ней процессами, в частности, интенсификацией языковых контактов и развитием межъязыковой интерференции, подобная трансформация языковой картины мира проходит в более благоприятных условиях. Данные изменения определяют способ структурирования действительности данного лингвокультурного сообщества. Кроме того, становится очевидным значимая роль переводчика в межъязыковой интерференции на концептуальном уровне.

Что касается перспектив данного исследования, то здесь, безусловно, открытым остается вопрос, насколько далеко может зайти конвергенция концептуальных систем различных языковых коллективов и возможна ли вообще их унификация в постоянно и благоприятно меняющихся для этого условиях. Кроме того, любопытными представляются исследования интерференциального генезиса различных концептов и их интеграции в структурирование действительности посредством языка на концептуальном уровне.

Литература

Вайнрайх У. (1972) Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М.: Прогресс. Вып. VI. С. 25 – 60.

Лакофф Дж., Джонсон М. (2004) Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС. 256 с.

Леонтьев А.Н. (1975) Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 45 с.

Николаев С.Г. (2019) Русский как лингва франка: утверждение статусных характеристик // Славянская филология и культура в интеллектуальном контексте времени: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / Мин-во науки и высшего образования РФ, Южный федеральный университет. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ. С. 72 – 82.

Радченко О.А. (2005) Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: Едиториал УРСС. 312 с. (Серия «История лингвофилософской мысли»).

Саркисов Э.Э. (2019а) Специфика интерференционной картины «классического» лингва франка (на примере английского языка) // Мир. Человек. Язык: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. 2019 / Владимирский гос. ун-т имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир. С. 73 – 80.

Саркисов Э.Э. (2019б) Понятие межъязыковой интерференции в парадигме теории языковых контактов: современное состояние вопроса // Научная мысль Кавказа. № 1 (97). С.83 – 89.

Щерба Л.В. (1958) О понятии «смешение языков» // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. С. 40 – 53.

Adelung J.C. (2014) Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart [Электронный ресурс]. // Google Книги. – Электрон. дан. Hofenberg, 2014. URL: https://books.google.com/books?id=2TsZBwAAQBAJ&pg=PA182&lpg=PA182&dq=%22der+sandmann%22+grammatisch-kritisches&source=bl&ots=8N60Q9JTKQ&sig=VfbMHUp_uoYUNHNL7MpPUfOUadg&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEwj87Z_Art_VAhUrqlQKHa1hC1wQ6AEIMTAC#v=onepage&q=%22der%20sandmann%22%20grammatisch-kritisches&f=false (дата обращения 20.10.2019).

Lakoff G, Johnson M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago. 237 p.

Martinet André. (1980) *Éléments de linguistique générale*. Paris. 224 p.

Schmidlin J.J. *Catholicon Ou Dictionnaire Universel De La Langue Francoise. Catholicon Oder Französ-deutsches Universal-wörterbuch Der Französ. Sprache* [Электронный ресурс]. // Google Книги. – Электрон. дан. Hofenberg, 1771. URL: https://books.google.ru/books?id=osRFAAAAcAAJ&pg=PA231&dq=%22der+sandmann%22&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=%22der%20sandmann%22&f=false (дата обращения 20.10.2019).

Weinreich U. (1968) *Languages in Contact. Findings and Problems*. The Hague, Paris & New York. 164 p.

References

Adelung J.C. (2014) Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart [Electronic resource]. *Google Books*. Electron. Dan. Hofenberg, 2014. URL: https://books.google.com/books?id=2TsZBwAAQBAJ&pg=PA182&lpg=PA182&dq=%22der+sandmann%22+grammatisch-kritisches&source=bl&ots=8N60Q9JTKQ&sig=VfbMHUp_uoYUNHNL7MpPUfOUadg&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEwj87Z_Art_VAhUrqlQKHa1hC1wq6aeimtac#v=onepage&q=%22der%20sandmann%22%20grammatisch-kritisches&f=false (accessed 20.10.2019).

Lakoff J, Johnson M. (2004) *Metaphors we live by*. Moscow, Editorial URSS. 256 p. (In Russian).

Lakoff G, Johnson M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago. 237 p.

Leontiev A. N. (1975) *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Politizdat. 45 p. (In Russian).

Martinet André. (1980) *Éléments de linguistique générale*. Paris. 224 p.

Nikolaev S. G. (2019) Russian as a lingua Franca: statement of status characteristics. *Slavic Philology and culture in the intellectual context of time. Materials of the I International scientific and practical conference*. Ministry of science and higher education of the Russian Federation, Southern Federal University. P. 72-82. (In Russian).

Radchenko O. A. (2005) *Language as a universe. Linguophilosophical the concept of neohumanist*. Moscow, editorial URSS., 312 p. M., 2005. 312 p. (Series «History of linguophilosophical thought» (In Russian).

Sarkisov E. E. (2019a) Specificity of the interference pattern of the «classical» lingua Franca (on the example of English). *Mir. Person. Language. Collection of scientific papers of the II International scientific and practical online conference*. 2019. Vladimir state University named after A. G. and N. G. Stoletovyh. Vladimir. 2019. P. 73-80. (In Russian).

Sarkisov E. E. (2019b) The concept of interlanguage interference in the paradigm of the theory of language contacts: current state of the issue. *Scientific thought of the Caucasus*, no. 1 (97), pp. 83-89. (In Russian).

Shcherba L. V. (1958) On the concept of «mixing of languages». *Selected works on linguistics and phonetics (L. V. Shcherba)*. Vol. 1. Leningrad, Publishing house of Leningrad University. P. 40-53. (In Russian).

Schmidlin J.J. *Catholicon Ou Dictionnaire Universel De La Langue Francoise. Catholicon Oder Französ-deutsches Universal-wörterbuch Der Französ. Sprache* [Electronic resource]. *Google Books*. Electron. Dan. Hofenberg, 1771. URL: https://books.google.ru/books?id=osRFAAAACAAJ&pg=PA231&dq=%22der+sandmann%22&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=%22der%20sandmann%22&f=false (accessed 20.10.2019).

Weinreich U. (1968) *Languages in Contact. Findings and Problems*. The Hague, Paris & New York. 164 p.

Weinreich U. (1972) Monolingualism and multilingualism. *New in linguistics*. Moscow, Progress. Vol. VI, pp. 25-60. (In Russian).

Emil E. Sarkisov (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Interlingual Interference on the Paradigm of Language Contacts: Conceptological Analysis

Being related to cognitive processes and human psychology in general, one's individual life and social consciousness, history and linguistic-cultural communities, reflecting the national identity of different cultures and peoples, functioning as a tool of self-expressing in literature and folklore as a variety of art, being the basic way of the examination of the human internal world, language affected by interlingual interference on the system level leads to interference on the conceptual level and, consequently, causes changes in the world modeling of a language community, since it is a mechanism that serves it. As a consequence of globalization and resulting processes, in particular, language contact intensification and interlingual interference increase, such world modeling transformation is happening in more favorable conditions. These changes determine the way of structuring the reality of a linguistic-cultural community. Besides, it is getting more and more evident an important role of the translator in interlingual interference on the conceptual level.

Key words: *globalization, bilingualism, interference pattern, world modeling, conceptual interference, interlingual interference, language contacts.*

Emil E. Sarkisov – lecturer of the Department of Linguistics and Foreign Languages, Social and Humanitarian Languages Faculty, Don State Technical University. Phone: +7-919-884-45-62, E-mail: emil_sarkisov@mail.ru